

УДК 159.923.2

ПОЛЬ РИКЁР: ВРЕМЯ И АРХИВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.В. Ташкин

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется взаимосвязь философских категорий времени и индивидуальной памяти в философии П. Рикёра. Показано, что память в его феноменологическом исследовании выступает как осознанная способность личности познавать прошлое, воспринимать время и измерять его протяжённость. Поиск и рефлексия воспоминаний представлены как результат интеллектуального усилия – припоминания, формирующего исторический опыт, осмыслением которого занята историческая наука.

Ключевые слова: *исторический опыт, память, время, феноменология, психоанализ, герменевтика, работающая память, раненая память, ars memoriae, архив индивидуальной памяти, повествование.*

Поль Рикёр создал оригинальную концепцию личности, её исторического и культурного бытия. Вариант феноменологической герменевтики, разработанной Рикёром, получил признание в нашей стране и за рубежом и до сих пор оживленно дискутируется в профессиональной среде. В процессе его создания он объединил достижения феноменологии и герменевтики, психоанализа, аналитической философии, персонализма и других направлений современной мысли.

При рассмотрении явления памяти феноменологический подход позволил создать ясное и логичное видение таковой в индивидуальном измерении, выявить её основные характеристики. В построении собственной авторской концепции индивидуальной памяти, как справедливо подчеркивает И.С. Вдовина, французский философ опирался на богатую традицию персональной атрибуции данного феномена, заложенную ещё античной философской традицией, а также на феноменологическую проработку этой проблематики [4, с. 3–14].

Рикёр последователен в своём изложении. Главные вопросы, на которые он стремится получить ответы на всём пути своих изысканий можно сформулировать следующим образом: каково соотношение индивидуальной и коллективной памяти? Каково соотношение памяти и истории? Какова роль индивидуальной памяти в формировании исторического опыта? Может ли память, индивидуальная и коллективная, быть надёжной основой исторического исследования?

Важнейшим понятием в этой связи является исторический опыт. В данной работе исторический опыт понимается как совокупность разных индивидуальных и коллективных практик, обеспечивающих формирование, накопление, понимание, объяснение и репрезентацию све-

дений о прошлом, а также все смыслы и значение этой деятельности для жизни разных социальных сообществ и поколений людей.

Прежде чем непосредственно рассматривать формирование исторического опыта, важно обратиться к лежащей в его основе памяти. Память, в понимании Рикёра, не тождественна истории. Несмотря на это, часто именно она служит смысловым ядром исторического исследования.

Французский исследователь фокусируется на философском аспекте памяти. Он оправданно исключает из своего дискурса область нейрофизиологии, объясняющую биологическую природу памяти. Для Рикёра память присутствует как опосредующее звено в соотношении времени и повествования. К этому моменту мы ещё вернёмся, когда будем рассматривать временную составляющую исторического опыта.

При этом память существует для него в двух ипостасях – личная память и коллективная память, лежащая, по мнению философа, в основе истории. Свой феноменологический экскурс мыслитель начинает на индивидуальном уровне. Рикёр исследует память в контексте своих представлений о способностях человека. В интервью О. Мачульской он характеризует способность памяти следующим образом: «В работе “Память, история, забвение” я рассматриваю проблему способности как способности помнить и способности вспоминать. “Я могу вспомнить собственное прошлое” либо “я не могу вспомнить собственное прошлое”» [8, с. 11].

Таким образом, исследователь намерен понимать изучаемый им феномен как осознанную способность личности, которой человек пользуется сознательно с той или иной целью. Следует выделить значение данного момента, так как наряду с существованием стихийной памяти, возникающей под влиянием определённых жизненных ситуаций, в распоряжении субъекта находится инструмент рефлексивной памяти. По мнению Рикёра, такая память ориентирована на целенаправленный поиск воспоминаний о тех или иных событиях. И не только поиск, но и на обработку, а также артикуляцию заложенного в них обыденного опыта человека и репрезентацию его с помощью нарратива.

Здесь также подчёркивается предметный характер памяти и возникает проблема воспоминаний. Действительно, а что же мы ищем? И ещё более волнующий вопрос: как выглядит «что» памяти, как называет воспоминание сам Рикёр?

Феноменология как никакая другая философская дисциплина может помочь исследователю в поиске ответов на эти вопросы, так как одним из ключевых феноменологических понятий является «интенциональность», т. е. направленность сознания на определённый предмет.

Память сразу оказывается тесно связана с воображением, потому что результатом их работы является создание неких образов. Речь идёт о двух видах интенциональности сознания, различие между которыми

Рикёр начинает проводить с самого начала. В одном случае это воображение, направленное на фантастическое, вымышленное, ирреальное. С другой – память, фокусирующаяся на предшествующей реальности, прошедших событиях и явлениях, образующих временную отметку наших воспоминаний. Основы традиции подобного различения французский мыслитель находит в творчестве Платона и Аристотеля. В текстах Платона воспоминание предстаёт как наличное присутствие отсутствующей вещи.

В диалоге «Теэтет» вводится метафора восковых дощечек, на которых события прошлого оставляют свой отпечаток. «Сократ. Так вот, чтобы понять меня, вообрази, что в наших душах есть восковая дощечка; у кого-то она побольше, у кого-то поменьше, у одного – из более чистого воска, у другого – из более грязного или у некоторых он более жёсткий, а у других помягче, но есть у кого и в меру.

Теэтет. Вообразил.

Сократ. Скажем теперь, что это дар матери Муз, Мнемосины, и, подкладывая его под наши ощущения и мысли, мы делаем в нём оттиск того, что хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного, как бы оставляя на нём отпечатки перстней» [6, с. 251].

Соответствие полученного отпечатка предшествующему событию порождает образ, в терминологии Платона – *eikon* (греч.). Чтобы нагляднее представить это понятие, французский философ противопоставляет его *phantasma* (призрак). «Итак, мы имеем *eikon*, противостоящий *phantasma*, искусство творить образы (*eikastique*), противостоящее искусству творить призрачные подобию (*phantastique*)» [8, с. 31]. Тем самым Рикёр открывает нам одну из главных тем своего исследования: «Так что это различие можно принять за начало полного признания проблематики, стоящей в центре нашего исследования, т. е. истинностного аспекта памяти и, добавим, забегаая вперёд, истории» [8, с. 32]. Речь идёт также о статусе подлинности воспоминания, представленного в виде образа памяти.

Фантастические образы не способны артикулировать и структурировать временной опыт человека, так как они представляют собой неупорядоченную совокупность и не имеют чёткой привязки к определённому моменту времени и ясных координат, соотносящих их с определённым местоположением в пространстве. На это способны лишь образы памяти, в основе которых лежат реально происходившие события. В этом их коренное и очень важное отличие от так называемых призрачных подобию воображения, которое позволяет Рикёру выводить одно из главных положений первой части своего исследования «Память, история, забвение», а именно – истинностный аспект памяти, её оправданную претензию на правдивость.

Однако сам Рикёр не отрицает тесной связи памяти и воображения, сходство работы которых может быть неким препятствием на пути утверждения истинности наших воспоминаний.

Развивая античную традицию понимания памяти, Аристотель также вносит свой вклад в разработку данной проблемы: «Поэтому любая память (связана) со временем. Так что лишь те живые существа, которые воспринимают время, способны помнить, причём (осуществляют эту способность) с помощью того же, с помощью чего они воспринимают (время)» [1, с. 140].

Рикёр анализирует его трактат «О памяти и припоминании», сохранившихся до нас под латинским названием «De memoria et reminiscencia». Философ указывает на главную для него находку Аристотеля: «На первом месте стоит вопрос о вспоминаемой “вещи”; именно в этой связи произнесена ключевая фраза, которая сопровождает моё исследование на всём его пути: “Память сопряжена с прошлым”» [8, с. 37]. После притязаний на истинность это вторая системообразующая особенность памяти, в данном случае удачно выраженная словом «сопряжена». Она наводит на мысль, что память существует только вместе с прошлым, как своеобразное бытие прошлого в сознании человека. Два этих феномена оказываются «сопряжёнными». И действительно, если бы не было памяти, как бы мы могли узнать о самом существовании прошлого?

Аристотель открывает вниманию Рикёра ещё один важный момент. Память существует только тогда, когда протекает время, или вместе со временем. Воспоминанию необходима временная отметка, чтобы занять законное место в архиве индивидуальной памяти. Более того, такая привязка выглядит необходимым условием для осуществления поиска воспоминаний. Такую целенаправленную операцию Аристотель называет платоновским понятием *anamnesis*, а Рикёр предпочитает термин «припоминание».

Аристотель предлагает другую модель воспоминания. У него мы находим описание рисунка, предположим, животного. Само это изображение Аристотель трактует двояко: и как рисунок сам по себе, и как *eikon* (репрезентация вспоминаемой вещи). На взгляд французского мыслителя, такое решение имеет как свои преимущества, так и определённые недостатки. Дело в том, что двоякое толкование изображения порождает удвоение мысленного образа, двойную интенциональность, что мешает его чёткому определению и затрудняет дальнейшее феноменологическое изучение памяти.

Оставим пока спор двух моделей. Главное в тексте Аристотеля – это подчёркнутое различие между *mneme* (воспоминание как чувство, возникшее внезапно) и *anamnesis* (суть которого состоит в целенаправленном поиске). Общей ставкой и для памяти-чувства и для воспоминания-действия, по справедливому замечанию Рикёра, остаётся время.

Рассуждения о нём в трактате «О памяти и припоминании» помогают французскому философу решать проблему истинностного аспекта памяти. «Это суждение Аристотеля подтверждает тезис о том, что понятие временной дистанции внутренне присуще памяти и обеспечивает принципиальное различие между памятью и воображением» [8, с. 41]. Положение о правдивости памяти имеет большое значение для истории, так как только достоверные человеческие воспоминания, будучи упорядоченными нарративной традицией, могут составить ядро исторического опыта, пониманием и объяснением которого занята историческая наука.

Две модели воспоминания выдающихся древнегреческих философов могут дополнять друг друга и решают две важные задачи. Платоновская модель позволяет ввести в научный оборот проблему истинностного аспекта памяти. Модель, предложенная Аристотелем, указывает на необходимость анализа не менее важного аспекта памяти – временного измерения наших воспоминаний. Во всём бесконечном разнообразии схем и парадигм, ставящих своей целью объяснить важные черты памяти, понимание этого сложного феномена, заложенное античной философской традицией, даёт тот исследовательский фундамент, на котором возможно возвести модель понимания памяти современной философией.

О соотношении таких феноменов, как память и время, стоит поговорить подробнее. Дело в том, что время, по мнению Рикёра, является опосредующим звеном между памятью и историей. Для того чтобы представить ясную концепцию временного измерения наших воспоминаний, философ обращается к одному из видных мыслителей патристики – Августину. Именно Августин Блаженный одним из первых обратил внимание на субъективное восприятие времени сознанием человека.

Первое, с чего начинает Августин в своих рассуждениях, – это решение апории бытия и небытия времени. Представитель христианской патристики обращает внимание на то, что на существование времени указывает факт его измерения. Но как человек это делает, объяснить становится сложно. Августин находит решение проблемы, основываясь на субъективном восприятии времени в душе человека. Гиппонит вводит понятие тройственного настоящего. «Настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание ... настоящее будущего – его непосредственное ожидание» [7, с. 23]. Таким образом, память, причём память души индивидуальной, оказывается способностью воспринимать время, измерять его и хранить воспоминания о временных промежутках, в которых разворачивались события, в своём архиве.

Три времени, которые есть только в душе, не только призваны решить апорию его бытия, они говорят об особом отношении к временному опыту, а следовательно, и к истории, которое есть в сознании человека. Также важен отрыв от космологии, который совершает Авгу-

стин. Так, если Аристотель говорил о связи времени и космического движения, то Гиппонит уже пишет о том, что движение может остановиться, а время – нет. Не может ли сознание измерять остановки так же, как и движения? Таким образом, тройственное настоящее, возникающее в душе человека, становится практически единственным прочным основанием в описаниях феномена времени.

Далее Рикёр обращает внимание на следующую смысловую точку в рассуждениях Августина – решение загадки меры времени. Без решения этого вопроса сложно понять временную природу наших воспоминаний. Августин Блаженный вновь ищет основания для измерения времени в душе человека и использует уже знакомую нам концепцию тройственного настоящего. Он вводит понятия *attentio animi* и *distentio animi* – напряжение и растяжение души, что, в свою очередь, является свидетельством активности духа. Тем самым решается вопрос о протяжённости того, что не имеет протяжённости. На данный момент указывает П.П. Гайденко: «Чтобы ответить на вопрос, что такое время, нужно понять, протяжённостью чего оно является. И Августин отвечает: протяжённостью души» [5, с. 62].

Французский философ связывает тройственное настоящее и растяжение в одну общую идею. «Остаётся рассмотреть тройственное настоящее как растяжение и растяжение как растяжение тройственного настоящего. В этом и состоит гениальная идея XI книги “Исповеди” Августина, по стопам которого пойдут Гуссерль, Хайдеггер и Мерло-Понти» [7, с. 27].

В ходе этих непростых размышлений мы подходим к другому интересующему нас вопросу. А как становится возможным измерить прошлое, бытие которого представляет память в сознании субъекта? Ответ французского философа на этот вопрос демонстрирует нам подлинную глубину его мышления. Дело в том, что временное измерение самого прошлого представляется довольно трудным предприятием, если это вообще возможно сделать. Минувшие события представлены в памяти субъекта в виде воспоминаний о них. Следовательно, измеряем мы не само прошлое, а его образы-отпечатки, которые доступны для наших мыслительный изысканий. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что воспоминание уже представляет собой первоначальную рефлексию прошлого, а не только его бытие. Ведь одно и то же прошлое событие может выглядеть совершенно по-разному в воспоминаниях его участников.

В качестве предварительного вывода будем понимать время как одну из фундаментальных философских категорий, вне связи с которой невозможно построить феноменологию памяти. Время выступает в качестве необходимой координаты образов памяти. Без временной привязки сложно определить место объектов припоминания в архиве индивидуальной, а затем и коллективной памяти. Также время призвано по-

мочь субъекту выполнить другую важную задачу – измерить протяжённость наших воспоминаний. Без отчётливого объяснения связи между временем и памятью будет сложно понять, какую роль играет время в нарративной традиции, т. е. как описываемый феномен может быть представлен на страницах исторических исследований. Более того, память играет далеко не последнюю роль в репрезентации времени в работах самих историков.

Важным приобретением Рикёра выступает понимание им особенностей припоминания. Философ с самого начала подчёркивает сознательный характер такой операции, как *anamnesis*, её полную противоположность стихийному наплыву воспоминаний. Для того чтобы совершить припоминание, нужно выделить время, отвлечься от текущей жизни и выполнить весьма трудоёмкую работу, чтобы в итоге отыскать в архиве своей памяти нужный объект. Рикёр заимствует у А. Бергсона концепцию «интеллектуального усилия», которое кладётся Бергсоном в основу понимания припоминания как специфической интеллектуальной деятельности, совершаемой субъектом исторического познания.

«Чтобы вызвать прошлое в виде образа, надо иметь способность отвлекаться от действия в настоящем, надо уметь ценить бесполезное, надобно хотеть мечтать. Быть может, только человек способен на усилие этого рода» [2, с. 487]. Сам характер этой деятельности роднит её с историей, так как интеллектуальное усилие сопровождает историческое исследование на всём его пути.

Прилагая мыслительное усилие, субъект тем самым выполняет некую работу. Так, вполне уместным выглядит появление на страницах исследования Рикёра такого понятия, как «работающая память», указывающее на то, что вспоминать, припоминать – значит осуществлять сознательный поиск, нахождение и дальнейшую репрезентацию воспоминаний.

В описании французского философа наше сознание использует память и как когнитивный инструмент, и как прагматический. Дело в том, что успешный акт вспоминания, завершающийся узнаванием образа памяти, составляет познавательное (когнитивное) измерение *anamnesis*, в то время как осуществлённый труд составляет его практическое поле. Возможность использовать память как средство познания позволяет ей быть надёжной основой истории как научной и учебной дисциплины, ведь главная цель любой науки – это открытие нового знания.

Чтобы оправдать одну из главных своих претензий, а именно притязание на истинность, «работающая память», подобно героям прошлого, вынуждена пройти сквозь целый ряд испытаний. Рикёр последовательно рассматривает ряд трудностей, с которыми она сталкивается. На этом пути философ исследует так называемое «искусство памяти», заимствует понятийный аппарат фрейдовского психоанализа, чтобы

раскрыть проблему «раненой памяти», а также показывает связь индивидуальной памяти с этикой.

Первое затруднение, которое мы встречаем, – это злоупотребление искусственной памятью. *Ars memoriae* (искусство памяти) состоит из многочисленного набора мнемотехник, направленных на запоминание как можно большего числа событий с максимальным количеством подробностей. Традицию этих древних практик, возникших в Античности, анализирует в своей монографии Ф. Йейтс, отмечая важную роль мнемотехники в древних культурах: «Но в Древнем мире, незнакомом с книгопечатанием, не имеющем бумаги для записи и тиражирования лекций, развитая память имела жизненно важное значение» [9, с. 16].

Ассоциативная память – один из таких способов. Чтение наизусть заученного стиха также является видимой работой памяти. Однако в данном случае недостаёт когнитивного аспекта, так как чтение наизусть – всего лишь механическое воспроизведение ранее усвоенного знания. Данный метод является важной составной частью многих педагогических практик и выполнял в своё время посредническую функцию передачи знания от одного поколения к другому, например, в гомеровской Греции XI – IX вв. до н. э.

По словам Рикёра, «вспоминание теперь состоит не в вызывании прошлого, а в применении усвоенных знаний, упорядоченных в ментальном пространстве» [8, с. 95]. *Ars memoriae* как сообщает исследователь издавна составляло подлинный подвиг человеческой памяти. Но возникает вопрос: какова реальная необходимость такого подвижничества? Философ указывает на чрезмерное увлечение искусственной памятью, например, в эпоху Возрождения, в котором таится опасность замены рефлексивного припоминания механическим запоминанием дат, имён, событий, фактов. Такое запоминание, на взгляд исследователя, скорее представляет собой память-привычку, чем память-действие. Более того мыслитель указывает на то важное обстоятельство, что такое чрезмерное подвижничество запоминания больше походит на пример неправильно работающей памяти. Таким образом, не отрицая пользу, приносимую мнемотехникой, философ обращает наше внимание на то, что такая работа памяти очень плохо сопрягается с историческим дискурсом.

Дело в том, что запоминание здесь происходит за счёт недооценки значимости отдельных событий. Подобно собранию книг на полке, в один ряд ставятся как значительные явления, так и менее значимые. Такое нагромождение воспоминаний мешает сознанию фокусироваться на действительно важных образах прошлого, что, в свою очередь, затрудняет их первоначальную рефлексивность. Поль Рикёр понемногу начинает касаться такого феномена, как забвение, его роли в построении памяти. Французский мыслитель так сравнивает *ars memoriae* и *anamnesis*: «Более того, отвержение забвения и ощущение шока приводит к утвержде-

нию преимущества запоминания по сравнению с запоминанием. Усиление значения образов и мест, производимое *ars memoriae*, совершается за счёт недооценки события, вызывающего удивление и изумление» [8, с. 100]. Сравнение припоминания с искусством мнемотехники наводит на мысль о важности *anamnesis* как более подходящего, более точного и достоверного инструмента в познании прошлого.

В отличие от него подвижность запоминания даёт больший простор для манипуляций памятью. Механическая сторона *ars memoriae* лишает человека способности к живому восприятию и пониманию события, непосредственному переживанию текущего опыта. Без этого, в свою очередь, невозможно появление неповторимых образов-отпечатков в сознании.

Другим значимым аспектом в проводимых Рикёром изысканиях является понятие «раненой памяти». Действительно, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне существуют воспоминания, отягощённые тяжёлой эмоциональной нагрузкой для их носителей. Для индивидуальной памяти одни из самых болезненных воспоминаний связаны с потерей близкого человека.

Для решения проблемы «раненой памяти» исследователь пользуется понятийным аппаратом психоанализа. Например, такими терминами, как «сублимация» и «идентификация». Рикёр считает оправданным рассматривать «работу скорби», свойственную травмирующим воспоминаниям, сначала на индивидуальном уровне, а затем и на уровне коллективного субъекта. Раненая память заметно затрудняет идентификацию субъекта. Болезненный опыт прошлого способен отвлечь внимание личности от текущего момента жизни, помешать чёткому осмыслению задач будущего устройства своего существования. Мыслитель обращает внимание на важную роль психоанализа в выявлении рефлексии причин, приведших к раненой памяти, и того, как травмирующие воспоминания чрезмерно усиливают связь субъекта, индивидуального и коллективного, с собственным прошлым. Однако такой регрессивный подход, по мнению Рикёра, не решает другой проблемы – интеграции подобной памяти в опыт текущей социальной жизни. Философ указывает на необходимость дополнить регрессивный анализ, свойственный психоанализу, подходом, позволяющим преодолевать избыточную болезненную нагрузку памяти и использовать назидательную составляющую трагических воспоминаний. Именно так рождается известный рикёровский регрессивно-прогрессивный метод, в данном случае применённый для исследования феномена раненой памяти.

На это обстоятельство обращает внимание И.С. Вдовина: «Основоположник психоанализа (З. Фрейд. – *A.T.*) постоянно уводит изучение явлений культуры, будь то религия, искусство, мораль, в сторону выяснения их предпосылок. Признавая правомерность такого подхода, французский философ требует вместе с тем соединения его с prospec-

тивным подходом; тогда явление культуры перестаёт быть простой проекцией внутренних конфликтов его создателя и становится эскизом разрешения этих конфликтов» [3, с. 41]. Таким образом, работающая память оказывается способной не только припоминать, анализировать травмирующие воспоминания, но с помощью синтеза работы скорби преодолевать их болезненную нагрузку, выявляя их поучительное значение для жизни в будущем.

Итак, Рикёр призывает в своём исследовании работающей памяти избегать заикленности болезненных воспоминаний на самих себе. По мнению философа, травматизм воспоминаний отсылает к прошлому, тогда как назидательное значение – к будущему. Ставя вопрос о моральном смысле воспоминаний, Рикёр вводит этическое измерение индивидуальной памяти. Подобный новаторский взгляд на феноменологию памяти побуждает нас заново переосмыслить всё, что было сказано об этом феномене, начиная с Платона и Аристотеля.

В итоге можно выделить ряд системообразующих особенностей персональной памяти, важных для понимания связи данного явления с эпистемологией истории, как разных вариантов представления знаний о прошедших событиях, и герменевтикой исторического состояния, как части бытия человека.

Первой такой особенностью выступает притязания воспоминаний на истинность. Вторым компонентом является сопряжённость образов памяти со временем и понимание самого времени как способа измерения не настоящего прошлого, а его отпечатков в нашем сознании. Третьей особенностью служит *grahis* памяти, в деталях рассмотренный Рикёром как «работающая память», варианты её верного и неверного использования, служащие предпосылками для манипуляций памятью.

Итак, память всесторонне рассмотрена П. Рикёром как осознанная способность личности, посредством которой человек созидает сам себя, свою историю и культуру. Этическое измерение индивидуальной памяти также обращает на себя достойное внимание. Французский философ в своём исследовании сочетает разные подходы: феноменологию, герменевтику, психоанализ, объединённые его общей философской концепцией «человека могущего». Столь разностороннее рассмотрение памяти открывает для нас новый взгляд на этот сложный феномен и подводит нас к более глубокому пониманию истории как научной и учебной дисциплины, а также позволяет лучше осознать, что значит герменевтическое измерение бытия самой личности.

Список литературы

1. Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. 183 с.

2. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
3. Вдовина И.С. Поль Рикёр: Герменевтический подход к истории философии // Поль Рикёр – философ диалога. М.: ИФРАН, 2008. 143 с.
4. Вдовина И.С. Феноменология во Франции. М.: Канон+РООИ Реабилитация, 2009. 400 с.
5. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
6. Платон. Тезет // Собр. соч.: в 4-х томах. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 191–274.
7. Рикёр П. Время и рассказ: в 2 т. М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. Т. 1. 313 с.
8. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
9. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 479 с.

P. RICOEUR: TIME AND THE INDIVIDUAL MEMORY ARCHIVE IN THE PHENOMENOLOGICAL DIMENSION

A.V. Tashkin

The article examines the unbreakable relations between the philosophical categories of time and individual memory in P. Ricoeur's philosophy. It reveals that memory is understood in his phenomenological works as the person's conscious capacity to comprehend the past and measure its duration. The search for and reflexion of remembering are interpreted as a result of the intellectual effort of recollection that forms the historical experience nourishing history as a specific discipline.

Keywords: *historical experience, memory, time, phenomenology, psychoanalysis, hermeneutics, working memory, wounded memory, ars memoriae, individual memory archive, narrative.*

Об авторе

ТАШКИН Андрей Васильевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: ntrickster@mail.ru

Author information

TASHKIN Andrey Vasilyevich – Ph.D. Student of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver. E-mail: ntrickster@mail.ru